

Антон Иванович Первушин
Грааль и свастика. Религия нацизма
Серия «Тайны истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11221066

Первушин А. Грааль и свастика: Религия нацизма: ООО «Торгово-издательский дом «Амфора»;

СПб; 2015

ISBN 978-5-367-02793-8, 978-5-367-03230-7

Аннотация

В книге рассказывается о поисках древней традиции, которая должна была стать основой государственной религии Третьего рейха. Попытка соединить литературные утопии, оккультизм, эзотерику, мифологию и христианство привела к чудовищным последствиям.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Древний мир	7
Тайные учителя	8
Возвышение арийцев	13
Основатель ариософии	18
Новые тамплиеры	21
Расизм как вера	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Антон Первушин

Грааль и свастика. Религия нацизма

© ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

Предисловие Призрак фашизма

Сегодня мир переживает новый кризис: в политике, в экономике, в культуре. Ранее благополучные страны сотрясаются от войн, революций, мятежей. Люди быстро привыкают к насилию на экранах и в жизни, оправдывая происходящее необходимостью борьбы за государственные и национальные интересы и не понимая, видимо, что мировой пожар способен уничтожить любого, вне зависимости от его социального положения, прежних заслуг, личных качеств. Так уже было, так еще будет.

Подмечено, что именно в такие периоды максимально активизируются поиски альтернативных опор для личного бытия, новых духовных смыслов и ценностных доминант – всего того, что культуролог Михаил Эпштейн метко назвал «бедной религией» или «верой без вероисповедания». Не было бы беды, если бы люди в своих поисках приходили в традиционные церковные институты (да, при всех известных недостатках такие институты работают в правовом поле и выполняют весьма полезную общественную функцию), однако именно социализированность Церкви, ее желание и умение играть по актуальным правилам часто отталкивают ищущих. Важный вопрос: отталкивают куда? Тот же Михаил Эпштейн в своих работах, посвященных «бедной религии», дает довольно широкую палитру: от шаманизма до оккультизма, от сатанизма до космизма, от саентологии до уфологии.

Путь в сумерки разума прост и зачастую приятен, он почти не требует усилий. Достаточно лишь следовать наставлениям доброжелательного гуру, соглашаясь с картиной мира, которую тот дает. При этом практически всегда, без исключений, гуру пообещает награду, которая ждет в конце пути и которая станет одним из возможных решений всех накопившихся проблем. И трудно обыкновенному человеку устоять перед искушением, особенно если критичность у него занижена, а привычный мир рушится под ударами жестоких и непредсказуемых событий. Случается, что не способны устоять даже воцерковленные люди, которых от подобных заблуждений должны оберегать духовные пастыри. И тогда возможно появление любых химерических мировоззрений, в которых все поставлено с ног на голову: логика заменена впечатлением, чувство ответственности – надеждой на чудо, здравый смысл – слепой верой.

Описываемый процесс не страшен, если в него вовлечены отдельные люди или небольшие группы маргиналов. Но он может превратиться в чудовищный кошмар, когда по воле исторического стечения обстоятельств в него оказывается втянуто население целого государства. Самый яркий и болезненный для всех нас пример – Третий рейх.

О том, что мировоззрение рядового немца в первой половине XX столетия претерпело серьезные (почти фундаментальные) изменения, написано очень много. Детально проанализированы идеология, мифология и пропаганда национал-социалистического движения. Изучены истоки и корни гитлеровской утопии. Вызваны из забвения имена предтеч немецкого фашизма. Даны соответствующие оценки деятельности нацистских бонз, стравивших европейские народы и устроивших подлинный геноцид на оккупированных территориях. Однако чем больше читаешь книги, посвященные предыстории и истории Третьего рейха, тем больше понимаешь, что даже сегодня ни один из живущих народов не застрахован от заражения старой болезнью на новой национальной почве.

В этой книге мы поговорим только об одном направлении деятельности нацистов – о поисках древней традиции, которая должна была стать основой государственной религии Третьего рейха. В этой религии не было места «мягкотелому» христианству, посему на начальном этапе была подвергнута ревизии сама библейская история, а за ней – история кре-

щения Европы. Создавая и развивая неомифологическую систему, по сути своей отрицающую культурные достижения современности, гитлеровцы вольно или невольно возрождали варварскую архаику с ее инфантилизмом, примитивизмом и обязательной иррациональностью.

У братьев Стругацких в знаменитой повести «Трудно быть богом» можно встретить очень точный аллегорический образ культурного прогресса – анизотропное шоссе. Двигаться по нему можно только в одну сторону. Если пойти в противоположную, под «кирпич», то неизбежно наткнешься на апофеоз бесчеловечности – на скелет, прикованный к пулемету. Попытки упростить сложные человеческие отношения, свести к минимуму многообразие представлений о мире, навязать одно-единственное видение прошлого и будущего всем живущим поколениям – это и есть движение назад, под «кирпич».

Нацистский эксперимент, к счастью, провалился. Однако, осмысляя его итоги, легко увидеть, что тяга к возрождению архаики, к «консервативной революции» все еще сохраняется в настоящем. Призрак «обыкновенного фашизма» продолжает бродить по Европе, соблазняя слабые души мнимой красотой простых решений, внушая надежду на спокойное богатое будущее, в котором сегодняшней неохристиане займет особое место. Мы всесторонне изучим противоречивый идеологический сплав между палеофантастическими гипотезами и технократической утопией, созданный нацистскими визионерами. Мы узнаем, с какой целью гитлеровцы отправляли секретные экспедиции в отдаленные районы планеты. Мы расшифруем значение древних реликвий и символов, которым они поклонялись. Мы заглянем за изнанку нацистского мировоззрения, чтобы найти там прячущихся чудовищ и научиться распознавать их присутствие в современном культурном пространстве.

Надеюсь, что это путешествие в прошлое окажется полезным и уберезет вас от очарования эстетикой нацизма.

Глава 1

Религия Гитлера

Древний мир

Что можно узнать о Древнем мире из книг Елены Блаватской?

По ее мнению, история человечества началась триста миллионов лет назад, когда на несокрушимой священной земле астральная матрица, сотканная из чистой энергии, начала превращаться в грубую двуполоую тварь. Трудный переход из энергетического состояния в материалистическое занял целую геологическую эпоху и в конечном итоге, за пять миллионов лет до нашей эры, породил могущественных созданий, которые ныне известны как атланты.

Атланты населяли материк в Атлантическом океане (более древний, чем Европа) и были самыми настоящими гигантами – их рост составлял от шести до восьми метров. Они владели удивительными знаниями, доставшимися им в наследство от предыдущих рас. Знания бережно сохранялись жреческим сословием атлантов, обитавшим в пирамидальных храмах, построенных по всей Земле.

Восемьсот пятьдесят тысяч лет назад случилась глобальная катастрофа: материк атлантов, к тому моменту расколовшийся на две части (Рута и Даитья), погрузился в пучины океана примерно в то же самое время, когда произошло поднятие Северной и Южной Америк. Впрочем, жрецы, которые с помощью специальных ритуалов могли заглядывать в будущее, спасли значительную часть населения, и атланты покинули тонущий континент, расселившись по миру.

Постепенно их раса приходила в упадок, уступив место под солнцем молодым и деятельным арийцам. «Новые люди» появились двести тысяч лет тому назад, были мельче и энергичнее, поэтому успешно заселяли свободные территории. Их первая цивилизация возникла в Азии, а лучшие представители арийцев были учениками выдающихся атлантов. Со временем они получили от атлантов сокровенное знание, включая методики управления астральной энергией, которая дает слабому человеческому существу возможность, обходясь без всякой техники, строить и уничтожать города, летать по воздуху и ходить по водам. Кроме того, арийцы унаследовали наиболее ценные науки: алхимию, астрологию, минералогию, геологию и физику. С помощью особых церемоний, называемых мистериями, знания атлантов передавались из поколения в поколение, делая избранных молодых людей могущественными магами, способными одним усилием воли преобразовывать Вселенную.

Повзрослев как раса, арийцы начали войну с атлантами. Им же довелось стать свидетелями исчезновения древнейшего народа, когда одиннадцать тысяч лет назад в пучину погрузился последний остров атлантов Посейдонис. Сокровенное знание, однако, сохранилось – им владело сословие королей-жрецов, создавших цивилизацию Египта около восьмидесяти тысяч лет назад. Уцелевшие после гибели Посейдониса атланты zaloжили несколько колоний в труднодоступных районах Земли и даже в космосе. Некоторые из этих колоний существуют по сей день, но проникнуть в них способны только избранные – те, кого адепты древнего учения считают достойными, чтобы пройти мистерии и узнать правду о великом прошлом. Время от времени наследники атлантов ищут и находят достойного человека с целью поручить ему почетную миссию – рассказать миру о том, что они существуют и продолжают сохранять память о прошедших эпохах, чтобы донести ее до вождей арийской расы, которые в будущем покорят весь мир.

Тайные учителя

Все, что вы прочитали выше, похоже на бред заигравшегося фантаста – настолько изложенные сведения разнятся с современными представлениями об эволюции биосферы и теориями о происхождении человечества. И все же миф о древних цивилизациях, которые когда-то правили миром, используя для этого магию и сверхъестественные способности, живуч как никогда. Ведь куда приятнее думать о себе как о потомке божественного народа, унаследовавшем мудрость тысячелетий, чем как о звереныше – выкормыше грязной обезьяны.

Понятно, что до начала XIX века нужды в подобном мифе не было – монотеистические религии подчеркивали Божественное происхождение человека, сотворенного «по образу и подобию». Однако в XIX веке позитивизм, получивший развитие в естественных науках, стал претендовать на место главенствующего мировоззрения в странах Европы и Америки. Достижения ученых, поставивших на службу людям энергию пара, были очевидны, а Церковь на этом фоне не могла предложить чего-то нового молодым пытливым умам и невольно выступала как тормоз ускоряющегося прогресса. Запреты на получение современного образования и публичные суды над теорией Дарвина только распалили молодежь, которая массово уходила в позитивизм и, самое главное, в материализм.

Именно в XIX веке стали возникать теории, которые были призваны увязать одно с другим: идеалистическое восприятие с естествознанием, открытия физиков с мистическим озарением. И первое, что напрашивалось, – предположение о существовании в глубокой древности цивилизации, которая создала науку, опирающуюся не на материализм, а на более глубокое познание Вселенной. Такое предположение удачным образом накладывалось на поиски «начала всех начал», которыми в те времена увлекались не только теологи и философы, но и авторитетные ученые. Различные авторы писали многотомные труды, где излагались основы проторелигии, из которой выросли все религии, основы протонауки, из которой возникли все науки, протоязыка и протокультуры, от которых за тысячелетия отпочковались все известные языки и культуры. По мнению искателей пресловутого «начала», обретение единого источника истины могло стать ключом к величайшей тайне мироздания. Однако в реальности все эти труды были слишком субъективны и тенденциозны, чтобы претендовать на звание научных работ. Теории биогенеза и антропогенеза находились в зачаточном состоянии, а впоследствии неоднократно пересматривались, посему в XXI веке они воспринимаются как палеофантастика – вымысел, порожденный дефицитом информации.

Палеофантастической от начала до конца была и книга эзотерического гуру Елены Блаватской, из которой я почерпнул вышеприведенную реконструкцию мира под правлением Атлантиды.

Елена Петровна Блаватская (фон Ган) родилась 31 июля (12 августа) 1831 года в городе Екатеринославе. Ее отец принадлежал к роду наследных Макленбургских принцев фон Роттенштерн-Ган, а мать была внучкой князя Павла Васильевича Долгорукого. Хотя Елена Блаватская не имела академического образования, она была достаточно умна и начитанна. К примеру, прекрасно разбиралась в священных текстах Востока.

В отличие от сторонников монотеистических религий, индуисты и буддисты поклоняются пантеону божеств, каждое из которых исполняет особую роль в «мировом плане». Центральной чертой их религиозной практики является понятие адептства (на санскрите «адепт» – «махатма»), ведущее родословную от первобытной субкультуры шаманизма. В рамках этого понятия считается, что любой человек может добиться огромной сверхъестественной власти посредством тренировок и преданности поставленной цели.

Следуя запросам общества и пытаясь найти свою нишу в мире оккультистов, расплодившихся к середине XIX века в большом количестве, Блаватская решила на довольно

рискованную акцию – учредила Теософское общество. Оно было основано в 1875 году в Нью-Йорке с целью «образовать ядро Всемирного Братства без различия расы, цвета кожи, пола, касты и вероисповедания», исследовать неизученные законы природы и скрытые способности человека на основе синтеза духовных достижений Востока и Запада.

Само слово «теософия» означает «богопознание». Когда-то оно использовалось эллинами, понимавшими под ним науку познания воли богов и судьбы. В интерпретации Блаватской оно было лишь новым названием эзотерики. Сами теософы определяют свое учение в следующих словах: «Существует два вида знания: низшее и высшее. Все то, что может быть преподано одним человеком другому, вся наука, все искусство, вся литература, даже Святые Писания, даже сами Веды – все это было причислено к формам низшего знания. Высочайшее знание – это познание Единого, зная которого познаешь все. Познание Его и есть Теософия. Это и есть „познание Бога, являющееся Жизнью вечной“».

Непосредственным источником идеи существования особого «высочайшего» знания стали книги английского барона-романиста Эдварда Бульвер-Литтона, творчество которого Елене Блаватской было хорошо известно. Сам Бульвер-Литтон среди своих сочинений особенно ценил романы «Занони» (1842), «Странная история» (1862) и «Грядущая раса» (1872), пропитанные духом оккультизма. Он хорошо разбирался в трудах алхимиков и неоплатоников, был знаком с работой современных ему спиритических обществ и кружков. В его фантастических историях научное знание сочетается с древней магией, а яркое воображение – с талантом беллетриста. Из этих составляющих складывается образ персонажа, владеющего «великой тайной». По мнению Бульвер-Литтона, магия и наука являются способами достижения власти над миром, но наука доказуема, а магия – нет. Будучи осторожным скептиком, не верившим в реальность большинства сверхъестественных феноменов, Бульвер-Литтон тем не менее соглашался с мыслью, что рано или поздно наука подтвердит притязания оккультистов на управление экстрасенсорным восприятием и ясновидением.

В качестве примера можно рассмотреть знаменитый роман «Грядущая раса», изданный за несколько месяцев до смерти автора под псевдонимом Лоренс Олифант. Персонаж романа случайно попадает в подземный мир, где находит цивилизацию прекрасных существ, называющих себя Ана и научившихся использовать высшую энергию вриль, которая пронизывает все сущее.

Действием вриля в одном случае <...> они могут влиять на изменения температуры, или, просто говоря, на перемену погоды; в других его применениях, посредством научно построенных проводников, они могут оказывать такие влияния на ум человека, на всякое проявление животной и растительной жизни, которые по результатам не уступят самым причудливым фантазиям вымысла. Все эти разнообразные проявления физической энергии известны у них под именем вриля.

Бульвер-Литтон прямо пишет, что обретение могущества через вриль связано с продолжительными медитациями и телепатией. При этом барон неустанно подчеркивает: научное изучение сверхчувственных способностей разумного существа (жителей подземелья по большому счету нельзя назвать людьми) откроет перед цивилизацией невиданные перспективы.

Примечательно, что раса Ана ведет свое происхождение от народа, который когда-то жил на поверхности земли, но был вынужден скрыться от наступающего потопа. Разумеется, эти существа (очевидно, атланты) принесли с собой в подземелья древнюю науку и древнюю традицию. Память о великом прошлом позволила им создать своеобразную утопию. В их обществе полностью ликвидирована бедность. Обретение силы вриля отменило войны, поскольку любой ребенок мог уничтожить самую мощную крепость; и враждующим

семьям пришлось вырабатывать правила, по которым они (ребенок с крепостью) могут жить в мире. Мощный социальный запрет на убийство повлек за собой повальное вегетарианство. Отказ от прямого физического насилия низвел государственную власть до обслуживающего института, который используется семьями только для решения глобальных проблем (например, обеспечение светом, что в подземельях жизненно важно). Преступности нет, а потому нет нужды в судебной и исправительной системах. В семьях главенствует принцип: «Оставайся с нами или уходи, если тебе не подходят наши обычаи и порядки». В отсутствие государственного диктата «каждый занимался излюбленным им делом и жил сообразно своим склонностям, не возбуждая ничьей зависти или стремления превзойти его».

Страсти, раздирающие человеческое общество, совсем незнакомы Ана. Они не конфликтуют, не пытаются конкурировать друг с другом, предпочитая покой и созерцательное отношение к жизни. Казалось бы, при таком укладе подземный народ не может представлять опасности для обычных людей. Однако сила вривля защищает Ана от любых невзгод, включая нападение диких зверей и природные катастрофы, а значит, при столкновении с нами она будет использована для уничтожения человечества. И противопоставить магическому оружию нечего: специальные жезлы, концентрирующие и направляющие вривль, способны стереть противника в порошок на расстоянии «в 500 и 600 миль». Со своей стороны человечество не сумеет применить вривль для войны против Ана, поскольку требуются тысячи лет тренировок с передачей навыков последующим поколениям, чтобы только приблизиться к овладению невиданной энергией. По утверждению одного из подземных жителей, для уничтожения всех землян достаточно объединенной мощи шести местных детей.

Таковыми и подобными фантазиями вдохновлялась Елена Блаватская при создании своего фундаментального труда «Тайная доктрина (Синтез науки, религии и философии)», который увидел свет в 1888 году. Вряд ли это огромное сочинение, написанное на плохом английском языке, привлекло бы внимание читающей публики и смогло бы сохраниться в культурном наследии, если бы Блаватской не удалось собрать в единую (хотя и весьма путаную) систему новейшие гипотезы того времени о природе и эволюции Вселенной. Сегодня очевидно, что взгляды Елены Петровны были ошибочны, но некоторые из популярных теорий конца XIX века не опровергнуты до сих пор и поэтому вызывают острый интерес у публики. К примеру, Блаватская была одним из первых авторов, заявивших о внеземном происхождении человеческой цивилизации, во что продолжает верить большое количество людей. Она же обратила внимание европейцев на древние индийские эпосы, в которых при определенном прочтении можно и впрямь найти упоминания о великих учителях, обладавших сверхъестественными способностями и принесящих культуру диким людям.

«Тайная доктрина» представляет собой комментарии к сакральному тексту «Станцы Дзиан», который автор якобы видела в подземном гималайском монастыре. На основании этого маловразумительного текста дается описание «божественной» деятельности, как ее представляла себе Елена Петровна, от сотворения мира до его неизбежного конца. Примечателен «научный» метод Блаватской, о котором она пишет с милой непосредственностью начинающего публициста:

Одним из величайших и, может быть, самым серьезным возражением против достоверности этого труда и доверия к нему послужат предварительные Станцы. Как могут быть проверены утверждения, заключенные в них? Правда, что большая часть санскритских, китайских и монгольских трудов, упомянутых в настоящих томах, известна некоторым востоковедам, тем не менее главный труд, откуда взяты Станцы, не имеется в европейских библиотеках. КНИГА ДЗИАН (или ДЗАН) совершенно неизвестна нашим филологам, или, во всяком случае, они никогда не слышали о ней под данным наименованием. Это, конечно, большой ущерб для них, кто следуют в своих изысканиях предписанным методам

официальной науки, но для учеников Оккультизма и для всех истинных оккультистов это не имеет большого значения.

Получается, что Елена Петровна просит довериться ей и ее интерпретации священных текстов, не вникая в детали и не требуя явных доказательств существования этих текстов для верификации и альтернативной расшифровки. Как мы увидим в дальнейшем, к такому или подобному «научному» методу прибегали практически все оккультисты XX века, включая авторов «гитлеровской религии».

Первый том «Тайной доктрины», названный «Космогенезис», охватывает собой общий план, в соответствии с которым единый Бог дифференцирует себя в многообразии мыслящих существ, постоянно заполняющих мир. Творения происходят в строгом подчинении божественному плану, проходя через семь кругов (эволюционных циклов). В первом круге мир подчиняется власти огня, во втором – воздуха, в третьем – воды, в четвертом – земли, в прочих – эфира. Такой порядок отражает постепенное удаление мира от божественной милости в первых четырех кругах и его искупление – в следующих трех.

Елена Блаватская иллюстрировала стадии космического цикла разнообразными эзотерическими символами: треугольниками, трискелионами и свастикой. Этот последний символ был настолько популярен в XIX веке, что Блаватская включила его в проект официальной печати Теософского общества. Интересно, что концы свастики Елены Блаватской загнуты по часовой стрелке (в правую сторону), и такая же форма древнего символа хорошо известна по документам Третьего рейха. Именно эту свастику выбрали нацисты в качестве своего основного символа. Однако если гитлеровцы считали свастику знаком «динамичного возрождения», то Блаватская понимала под ней символ «падения человека в материю».

Во втором томе, названном «Антропогенез», Елена Петровна предприняла попытку увязать историю человечества с эволюцией мироздания. Блаватская сопровождала свою циклическую концепцию утверждением, будто бы каждому кругу сопутствует падение и возвышение семи последовательных «коренных» рас: в первом – четвертом кругах расы испытывают упадок духовного развития, отдаваясь во власть материальному миру, в пятом – седьмом кругах расы поднимаются к свету.

Согласно Блаватской, подлинная «человечность» в ее материальном воплощении может быть обретаема только пятой коренной расой, которой названа арийская раса. Ей предшествовали соответственно: астральная раса, возникшая в невидимой и священной земле; гиперборейцы, жившие на исчезнувшем полярном континенте; лемурианцы, процветавшие на континенте в Индийском океане; раса жителей Атлантиды, погибшая в результате глобальной катастрофы.

Как легко догадаться, теория коренных рас также была позаимствована Блаватской – у более раннего автора, французского драматурга-мистика Антуана Фабра д'Оливе, описавшего похожую схему в фундаментальном труде «Философская история человечества» (1824). Задолго до основательницы Теософского общества француз увлекся восточной эзотерикой, однако желание упростить сложные космологические концепции, заложенные в индуизме и буддизме, сыграло с ним злую шутку: кажущиеся пробелы он заполнял за счет пылкого воображения, не стесняясь выстраивать целые концепции на созвучии слов и сходстве символов.

Обращает на себя внимание четко выраженный расовый акцент, проступающий в «Тайной доктрине». Хотя из текста можно вынести вполне ясное соображение, что под расами Елена Блаватская понимала не антропологические типы, а ступени развития, через которые проходят все человеческие души, эволюционируя в материальном мире посредством повторяющихся воплощений (инкарнаций) от чистой астральной матрицы (первая коренная раса) к высшему энергетическому существу (седьмая коренная раса), Елена Пет-

ровна не удержалась от того, чтобы не составить собственную иерархию народов в духе бытового расизма:

Человечество ясно делится на Богом-вдохновенных людей и на низшие существа. Разница в умственных способностях между арийскими и другими цивилизованными народами и такими дикарями, как, например, островитяне Южного Моря, не объяснима никакими другими причинами. Никакое количество культуры, никакое число поколений, воспитанных среди цивилизации, не могло бы поднять такие человеческие образцы, как бушмены и веддха с Цейлона и некоторые племена Африки, на тот умственный уровень, на котором стоят арийцы, семиты и так называемые туранцы. «Священная Искра» отсутствует в них, и лишь они являются сейчас единственными низшими расами на этой Планете, и, по счастью, – благодаря мудрому уравновесию Природы, которая постоянно работает в этом направлении, – они быстро вымирают.

То, что вдохновенные индусы, премудрые тибетцы и пресвященные европейцы вымирают ничуть не хуже африканцев и островных аборигенов из-за отсутствия внятных представлений о механизмах возникновения и распространения вирусных заболеваний, Елену Блаватскую, похоже, не волновало – важнее для нее было показать, что не все народы одинаково ценны. Получается, что Блаватская поддерживала идею «духовного расизма», согласно которой некоторые расы духовно превосходят остальные. Кстати, семитскую расу (особенно арабов, но также и евреев) она называла «духовно деградировавшей», хотя и достигшей совершенства в материальном аспекте бытия.

Помимо расовых акцентов, теософия также подчеркивала принцип элитаризма. Елена Блаватская претендовала на безусловный авторитет, определяемый ее местом в оккультной иерархии. В своих рассказах о предыстории человечества она также часто ссылается на выдающуюся роль элитарных священников коренных рас прошлого. Так, когда лемурианцы погрязли во зле и пороке, только «избранные» остались чисты духом. Впоследствии они составили лемуру-атлантическую династию королей-жрецов, обитающую в легендарной стране Шамбала в пустыне Гоби (раньше, по мнению Блаватской, там был роскошный остров).

Несмотря на безграмотную аргументацию и публицистическую наивность, «Тайная доктрина» сделалась очень популярной. Объясняется это смутным обещанием высокого оккультного посвящения, просвечивающим сквозь бесчисленные заимствования из древних эпосов и за цитатами из вымышленных апокрифов. Теософия предлагала привлекательную смесь из подзабытых религиозных идей и новых для того времени научных концепций.

И все же суть «Тайной доктрины» не меняется от того, как мы ее интерпретируем. Ведь в сущности, за палеофантастическими реконструкциями Елены Блаватской ничего не стоит, кроме домыслов и непомерного самомнения автора. Можно было бы и не обсуждать ее гипотетические построения, однако теософия оказала довольно значительное влияние на формирование мировоззрения тех, кто уже в XX веке попытался воплотить арийскую утопию в жизнь.

Возвышение арийцев

Почему же арийцы вызвали столь пристальный интерес эзотериков XIX века? Почему именно им Елена Блаватская отдавала предпочтение как коренной расе современного эволюционного этапа? Оказывается, в этом тоже нет случайности. У арийского мифа есть свои корни, взошедшие на гремучей смеси из научных данных и палеофантастических гипотез.

В конце XVIII века европейские лингвисты сделали неожиданное открытие. В различных языках, которые исторически вроде бы никак не связаны между собой (немецкий, кельтский, персидский, греческий, индийский), обнаружилось определенное сходство. Выявленную лингвистическую общность назвали «индоевропейскими языками». На основании открытия была выдвинута гипотеза, что некогда существовал единый протоязык, носителем которого являлась крупная этническая группа. С этого момента стали возникать многочисленные (зачастую дилетантские и сумасбродные) теории о «индогерманцах», распространивших свою культуру по всей Евразии.

Немецкий лингвист Фридрих Шлегель обнаружил в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях и о священной горе Меру, которая располагалась в районе полюса. На основании изученных текстов нельзя было понять, является ли описание Севера поэтической метафорой или доказательством конкретных контактов с северными народами. Однако, следуя напрашивающемуся объяснению, Шлегель решился соединить разнородные сведения в единую теорию. В труде «Исследование по языку и философии индийцев» (1805) он предположил, что индийский язык – «самый древний из развитых языков», а следовательно, самый близкий «к первоначальному языку, из которого произошли все остальные». В том же труде он предложил термин «арии» для обозначения непобедимых завоевателей, спустившихся с Гималаев, чтобы колонизовать Европу.

В 1819 году Фридрих Шлегель впервые употребил слово «ариец» – название этнической группы, в которую, согласно его интерпретации, входили германцы и индийцы. Вообще арийцев упоминал еще Геродот, но Шлегель объявил корень «ари» этимологически родственным слову «честь», вследствие чего возникло представление об арийцах как аристократической «расе господ». Однако следующий шаг в развитии оригинальной теории сделал не Шлегель (он вообще полагал, что арийское племя больше осваивало Азию, а не Северную Европу) – его ученик Христиан Лассен противопоставил «комплексный талант» арийцев низменным семитам, у которых отсутствовала «гармоничность души». Миф, сформированный Лассеном, начал быстро распространяться. С его подачи вымышленное противостояние между арийцами и евреями стало восприниматься образованными европейцами как нечто само собой разумеющееся.

Нам имеет смысл остановиться на теориях XIX века, в которых рассматривалась северная версия происхождения арийства. Ведь это позволит понять, почему в Третьем рейхе слова «нордический» и «истинно арийский» считались синонимами.

Множество интерпретаторов, которые разделяли гипотезу о европейской прародине арийцев, склонны были локализовать ее на обширной равнине, которая простирается от Северного моря до Каспийского. При этом они были убеждены в том, что первые индоевропейцы были высокими и светловолосыми. В 1883 году немецкий ученый Карл Пенка выпустил исследование «Истоки арийцев», а в 1886 году – «Происхождение арийцев». В этих работах он опроверг господствовавшее тогда мнение о происхождении народов, говорящих на индоевропейских языках, из Азии, доказывая, что их прародиной была Северо-Западная Европа, а первоначальный расовый тип – нордический. Независимо от Пенки к тем же выводам пришел антрополог Людвиг Вильзер в книге «Происхождение немцев» (1885).

Так началось смешение лингвистики и антропологии, переросшее в радикальные теории принципиальных различий между народами. Наметившуюся тенденцию в идеологии закрепили французский граф Жозеф Артур де Гобино и его немецкие последователи. В 1853–1855 годы граф выпустил четырехтомное «Эссе о неравенстве человеческих рас», в котором одним из первых указал на связь между арийской и нордической расами, причем нордические арийцы в его представлении находились на вершине цивилизационной пирамиды, обладая не только монополией на силу, интеллект и красоту, но и специфическим культурно-творческим потенциалом, которому могло угрожать расовое смешение.

Произведения де Гобино не вызвали большого интереса у французов, зато пользовались популярностью в Германии. Граф сблизился с Рихардом Вагнером, которого вполне можно назвать творцом современной националистической мистики. Также книги де Гобино были с одобрением встречены Фридрихом Ницше, который ныне признан одним из главных философов нацизма. В 1894 году в Германии было учреждено Общество Гобино. Его основатель библиотекарь Людвиг Шеманн в 1897–1900 годах впервые издал на немецком языке «Эссе о неравенстве человеческих рас». В 1939 году в Третьем рейхе вышло в свет уже пятое издание. Гитлеровцы высоко оценивали это четырехтомное сочинение, публикуя избранные фрагменты из него в хрестоматиях и сборниках по расовому вопросу. Поэтому на нем нужно остановиться особо.

Для того чтобы правильно понять специфику расизма де Гобино, необходимо рассмотреть его идеи в контексте созданной им же философско-исторической концепции. Цвет кожи служил основанием для выделения трех основных рас: белой, желтой и черной. «Таковы три чистых и первоначальных элемента человечества», – писал граф. Далее он расставлял их по ранжиру, помещая белую расу наверху, а черную внизу иерархической пирамиды. Внутри белой расы высшее место он отдавал арийцам.

Де Гобино утверждал, что в прошлом происходило непрерывное кровосмешение, поэтому «чистых» рас давно не существует, и в современную эпоху можно говорить только о расовых типах. Примечательно, что именно этот момент игнорируется почитателями де Гобино, стремящимися использовать его идеи для обоснования превосходства белой расы и арийцев. Однако в действительности понятие расы было у де Гобино крайне неопределенным: он трактовал его не как определенную совокупность антропологических черт, а скорее как символ коренного отличия. Отсюда и вытекала его мифологическая интерпретация исторического процесса: в расовом смешении де Гобино искал причины возвышения и вырождения цивилизаций. Суть расизма де Гобино выражена в следующем пассаже:

Если смешения полезны в определенной мере для массы человечества, возвышают и облагораживают ее, то это лишь в ущерб самому этому человечеству, поскольку они его унижают, ослабляют, оскорбляют, обезглавливают в его самых благородных элементах, и, если даже допустить, что лучше превратить в посредственных людей несметное множество существ, чем сохранить расу принцев (кровь которой, расщепленная, обедненная, смешанная, становится от подобного превращения обесчещенным элементом), остается еще то несчастье, что смешения не останавливаются. Посредственные люди, только что сформировавшиеся в ущерб тому, что было великим, объединяются с новыми посредственностями, и из этих браков, все более и более низменных, возникает мешанина, которая, подобно вавилонскому столпотворению, приводит общества к полному бессилию и несправимому ничтожеству.

Нацистские идеологи давали в значительной мере искаженное изложение концепций де Гобино. К примеру, они постарались не заметить, что французский граф считал немцев наиболее «смешанным» из всех европейских народов. Опять же его высокая оценка евреев откровенно не вписывалась в антисемитские установки германского национал-социализма.

И все же расовый детерминизм де Гобино стал реальным вкладом в мифологию национал-социализма.

На переломе XIX и XX веков началось возрождение нордической расовой идеи, которую к тому моменту успели разоблачить и раскритиковать. Очередному изменению отношения к ней способствовал английский аристократ-социолог Хьюстон Стюарт Чемберлен, взгляды которого формировались под воздействием трудов Рихарда Вагнера и Жозефа де Гобино. Женившись на дочери Вагнера, он с 1908 года поселился в Германии, где, уже после смерти, в период Третьего рейха, несмотря на происхождение, был провозглашен «народным мыслителем». На родине его, наоборот, называли перевертышем и всячески осуждали за антибританскую пропаганду.

Основная работа Хьюстона Чемберлена, принесшая ему скандальную известность, называлась «Основы XIX века» (1899). Изложенная в ней трактовка европейской истории была обусловлена негативным отношением автора к христианству, аристократическим презрением к народным массам и романтизированным восприятием немцев как нации, предназначенной править миром. Чемберлен утверждал, что европейская культура стала результатом слияния пяти компонентов: искусства, литературы и философии Древней Греции; юридической системы и формы государственного управления Древнего Рима; христианства в его протестантском варианте; возрождающегося созидательного тевтонского духа; разрушительного влияния евреев и иудаизма в целом.

В первом томе своего труда Чемберлен рассматривал события до 1200 года, анализируя наследие античного мира. «С эллинизмом наступил небывалый расцвет человеческого интеллекта, – писал англичанин. – Греки творили всюду – в языке, религии, политике, философии, науке, истории, географии. Вершиной этого созидательного духа стал Гомер». Однако у наследия эллинов обнаружились и темные стороны: недальновидные демократии, отсутствие высокой политики, устаревшая мораль и упадок религии. Ситуацию исправили римляне, избавившие мир от семитско-арабского порабощения и позволившими тевтонской Европе «стать бьющимся сердцем и мыслящим мозгом всего человечества». Впрочем, и Рим не сумел долго противостоять тенденциям к распаду, оставив после себя мешанину различных культур и рас. Среди хаоса народов оказались и евреи – единственная раса, которой удалось в этих условиях сохранить чистоту крови и сплоченность. Силой же, противостоящей влиятельной еврейской нации, история назначила арийцев. Чемберлен писал: «В настоящее время эти две силы – евреи и арийцы, – как бы ни затуманил их будущее недавний хаос, остаются друг против друга, пусть уже не как враги или друзья, но по-прежнему как вечные противники». Основной секрет истории, по мнению англичанина, состоит в том, что только чистокровная раса становится священной. Безродный хаос последних дней Римской империи стал пагубным для европейской цивилизации, и именно арийцам пришлось исправлять гибельное положение.

Во втором томе Хьюстон Чемберлен анализировал зарождение нового германского сообщества и борьбу за мировое господство. В этой борьбе участвовали три стремящихся доминировать религиозных идеала: Восток (эллины), Север (арийцы) и Рим. На севере бывшей Римской империи арийцам удалось создать новую культуру, которая «является величайшим из всего, что было достигнуто человечеством до настоящего времени». Евреи стали наследниками римского расового хаоса; арийцы же оказались в ответе за духовное спасение человечества. Все достижения науки, промышленности, политэкономии и искусства стимулировались и двигались вперед арийцами. Таким образом, XIX век опирался на «прочный арийский фундамент».

Через всю книгу Чемберлена проходит красной нитью идея противостояния арийцев (как творцов и носителей цивилизации) и евреев (как разрушительной и ведущей к вырождению глобальной силы). За свое разлагающее деструктивное влияние евреи заслуживают

приговора, но не с позиций низкой ненависти или подозрительности, а с позиций недостижимых высот арийского превосходства.

Почти все выдающиеся и истинно свободные люди, полагал Чемберлен, от римского императора Тиберия до германского канцлера Отто фон Бисмарка, рассматривали присутствие евреев в своей среде как социальную и политическую опасность. Обратите внимание, что при этом англичанин считал Иисуса Христа одним из наиболее важных деятелей в истории человечества: «Ни войны, ни смены династий, ни природные катаклизмы, ни открытия не обладают и долей той значимости, которая могла бы сравниться с короткой земной жизнью Галилеянина». Как же сочеталось еврейское происхождение Христа с идеологическим антисемитизмом, проповедуемым Чемберленом? А очень просто: по его мнению, Христос не был евреем.

Двухтомник Хьюстона Чемберлена стал необычайно популярен в Германии после того, как император Вильгельм II назвал его работу «монографией величайшей важности». Критики в захлеб восхваляли «Основы XIX века» за «блестящее, высочайшее красноречие, огромную эрудицию и необычайную проникательность автора». В Англии же книга подверглась яростным нападкам: ее либо высмеивали, либо поносили площадной бранью. Интересно в этой связи высказывание Теодора Рузвельта, который оценил «Основы...» Чемберлена как «блестящие ляпсусы», которые для «нормального человека выглядят безусловным сумасшествием». Рузвельт пояснил свою мысль: «Ему нравится Давид, и на этом основании он тотчас делает его арийцем. Ему нравятся Микеланджело, Данте или Леонардо да Винчи, и он тут же сообщает, что они – арийцы. Он не любит Наполеона и потому утверждает, что Наполеон – истинный представитель безрасового хаоса».

Расовые теории Адольфа Гитлера во многом основываются на произвольном пересказе положений «Основ...» Чемберлена. Хотя Гитлер нигде не упоминает его имени, тезисы о «превосходстве арийской расы» и «еврейской опасности», выраженные в более простой и грубой форме, стали лейтмотивом нацистской идеологии. О почтении германского фюрера к английскому «народному мыслителю» говорит хотя бы то обстоятельство, что Гитлер не раз навещал постаревшего Хьюстона Чемберлена в его доме в Байройте.

Помимо Фридриха Шлегеля, Жозефа де Гобино и Хьюстона Чемберлена, были и другие «исследователи», работавшие на создание расового мифа. Вспомним некоторых из них.

К примеру, Френсис Гальтон, двоюродный брат Чарльза Дарвина, написал книгу «Наследственный гений» (1869), в которой с помощью статистики пытался доказать, что психология и характер большинства людей зависят от их физического строения, которое является и причиной разделения на бедных и богатых. По мнению Гальтона, низшие слои общества могут воспроизводить только неполноценную расу, посему необходимо стремиться к их искоренению. Он назвал свою систему евгеникой (от греческого слова, означающего «хороший от рождения, благородного происхождения»). Гальтон полагал, что искусственный расовый отбор следует сделать частью социальной политики. Его последователи во всем мире были заморожены утопическим видением мира, в котором не будет места нищете и болезням. Впоследствии нацисты взяли теорию Гальтона на вооружение.

Значительный вклад в нацистскую идеологию внес австриец польского происхождения Людвиг Гумплович (кстати, чистокровный еврей), который, развивая идеи английских социал-дарвинистов, изображал ситуацию так, будто всякая мощная этническая группа стремится к тому, чтобы поработить другие, а расовая борьба – единственная настоящая движущая сила истории.

Другим жестким и прямолинейным последователем расизма был немецкий дарвинист Александр Тилле, который в своих публикациях начала XX века дал ряд практических рекомендаций. Задолго до 1933 года Тилле требовал открыто объявить русских, румын, цыган,

евреев и поляков «расово неполноценными». И еще до Первой мировой войны призывал к умерщвлению душевнобольных и введению категорического запрета на смешанные браки.

Кроме того, большое влияние на нацистов оказали книги Ганса Гюнтера «Расоведение немецкого народа» (1922) и Людвиг Клаусса «Раса и душа» (1926) – оба эти труда многократно переиздавались и имели широкий общественный резонанс. Авторы доказывали, что немцы по своей биологической, духовной и культурной природе принадлежат к самостоятельно сформировавшемуся нордическому расовому типу.

Примечателен следующий факт. Первоначально расовая доктрина национал-социалистов создавалась как обоснование «качественных» различий между арийцами (индоевропейскими народами) и евреями. Но с началом Второй мировой войны потребовалось отделить от индоевропейской языковой семьи относящихся к ней славян, которые стали врагами. Понятно, что теоретических трудностей нацистские идеологи при этом не испытывали, поскольку их расовая теория никакой серьезной научной базы не имела.

Основатель ариософии

Расовые теории, обосновываемые лингвистами и «народными мыслителями», естественным образом сочетались с модернизированной псевдовосточной эзотерикой, проповедуемой Еленой Петровной Блаватской и ее последователями.

Теософия Блаватской проникла в Германию в начале 1890-х годов. Поначалу ее вхождение в моду было связано с популяризаторскими усилиями Франца Гартмана. Хотя Гартман был высококвалифицированным врачом, он проявлял живейший интерес к сверхъестественным явлениям, спиритизму и оккультизму. В 1889 году он организовал теософский светский монастырь в Асконе. С 1892 года печатал переводы индийских священных текстов и работ Блаватской в своем журнале «Цветы лотоса» – это было первое издание на немецком языке, титул которого украшала свастика.

Впрочем, классическая теософия осталась в Германии ограниченным общественным движением, представленным маленькими и враждующими друг с другом клубами. Куда большее признание там получили различные идеологические ответвления. Одним из таких ответвлений была ариософия, создателем которой считается Гвидо фон Лист.

Гвидо Карл Антон фон Лист родился 5 октября 1848 года в семье венского торговца. Его мать и отец принадлежали к торговым семьям, жившим в столице по меньшей мере на протяжении двух поколений. Однако Гвидо избрал иную стезю и к концу века добился широкой известности как писатель, работающий в неоромантическом жанре с уклоном в национализм. Его творчество практически целиком было посвящено героическому прошлому и религиозной мифологии родной страны. Однако к началу XX века произошли существенные изменения в характере идей Гвидо фон Листа: в воображаемый мир древних германских верований проникли чисто оккультные воззрения.

В апреле 1903 года фон Лист отправил в Имперскую академию наук в Вене работу об «арийском протоязыке». В нем австриец попытался интерпретировать средствами оккультного откровения руническое письмо. Никакого удовлетворительного ответа из академии не последовало, но отказ ученых рассматривать такой метод изучения исторических памятников привел сторонников фон Листа к идее основания Общества Гвидо фон Листа, которое могло бы финансировать и издавать результаты его изысканий, посвященных национальному прошлому.

Второго марта 1908 года состоялось официальное торжественное открытие Общества Гвидо фон Листа, сразу же ставшего необычайно популярным в Вене. Среди его членов были журналисты, писатели, музыканты, ученые, депутаты парламента, теософы. Идеи фон Листа оказались привлекательными для многих образованных людей Австрии и Германии.

Поощренный поддержкой общественности, фон Лист написал серию «Ариогерманских исследовательских отчетов», которые в основном содержали его собственную интерпретацию давнего прошлого. Идеология, основанная на противопоставлении немецких и славянских интересов, буквально заворожала народнические кружки Германии, члены которых также искали в шовинистической эзотерике защиту германизма от влияния либеральных, социалистических и «еврейских» политических сил.

Во время Первой мировой войны эти идеи по-прежнему увлекали тех, кто искал сверхъестественные объяснения трудностям и лишениям военной поры. Гвидо фон Лист получал множество писем с фронта, в которых его благодарили за утешительные открытия. Солдаты находили руны и древние арийские символы на камнях, далеких от родного очага, что помогало верить в скорейшую и окончательную победу ариогерманцев. Книги Гвидо фон Листа передавались из рук в руки в окопах и полевых госпиталях.

Создатель ариософии был уверен в том, что открыл следы золотого века германской нации. В действительности его представления о национальном прошлом в малой степени опирались на классические методы изучения истории. Скорее его догадки возникали в результате «пророческих» откровений, которые австрийские и немецкие ландшафты будили в его душе.

Вину за разрушение патриархального мира Гвидо фон Лист возлагал на христианство. Его работы о христианизации германских земель рассказывают об ослаблении тевтонских законов и морали, о разрушении немецкого национального сознания. Он утверждал, что церковная проповедь любви и милосердия расшатала строгие евгенические правила арийцев, что новые духовные объединения размыли границы традиционных этнических провинций и что все это было сделано для принуждения к повиновению. Наконец, лишив побежденных германцев прежних духовных ценностей, удалось превратить их в рабов. Понятно, что все эти моральные и политические преступления могли быть совершены только после уничтожения лидеров нации. В соответствии с теорией фон Листа, деятельность христианских миссионеров началась с ликвидации ариогерманской элиты. Древние святилища были разрушены. Тех, кто упорствовал в старой вере, жгли на кострах. Ограбленные короли-священники, прежде правившие арийским государством, были вынуждены скитаться по стране, в которой никто больше не признавал их высокого статуса. Как итог – в Средние века поработанные немцы узнавали свою историю исключительно со слов иностранцев. Лживые хроники римских, греческих и французских авторов убеждали их, что до пришествия христианства ариогерманцы находились в варварском состоянии. Альтернативная интерпретация истории звучала для последователей фон Листа как утешение и давала надежду на возрождение прекрасного забытого мира.

В апреле 1915 года Гвидо фон Лист собрал конференцию своих поклонников в Вене. Он произнес торжественную речь, в которой приветствовал мировую войну как начало тысячелетнего сражения, предвещающее наступление новой эпохи. Он предупредил, что переходный период первоначально может быть связан с «ужасными преступлениями и сводящими с ума мучениями», но все испытания должны послужить окончательному отделению добра от зла.

Фон Лист ждал прихода к власти фигуры мессианского толка – сверхчеловеческого индивида, способного решить насущные проблемы и установить вечный порядок. Больше того, к концу Первой мировой войны фон Лист приобрел уверенность, что австрийские и немецкие солдаты, павшие на фронтах, перевоплотятся в коллективное мессианское тело. Он говорил, что сотни тысяч убитых должны воскреснуть и войти в состав элитарных корпусов в послевоенной национальной революции.

Исходя из своих вычислений, основанных на «космических и астрологических законах», фон Лист утверждал, что 1914, 1923 и 1932 годы будут иметь ключевое значение для возрождения ариогерманской расы. Он особо выделял 1932 год – как время, когда божественная сила должна овладеть коллективным бессознательным немецкого народа. Национальный порядок, национальная месть и национальная страсть должны были превратить плюралистическое общество Германской республики в монолитное, вечное и нерушимое государство – в будущий рейх.

В своем «пророчестве» Гвидо фон Лист ошибся всего на один год. В 1933 году к власти в Германии пришли нацисты, основной целью которых как раз и было построение Тысячелетнего рейха.

Через работы фон Листа, который отталкивался от палеофантастических и оккультных теорий, австрийские и немецкие националисты получили идеологическое обоснование для своей революции. Открытый вызов европейскому обществу, которое называлось «неправильным», оторванным от корней, искусственно лишенным памяти о великом про-

шлом, импонировал всем, кто мечтал о переделе мира под властью Германии. Книги Гвидо фон Листа (как и многотомный труд Елены Блаватской) давали обычному человеку ощущение наполненности жизни через приобщение к глобальным процессам. Каждый из почитателей австрийского исследователя полагал, что, постигая тайную историю своего народа, можно добиться изменений к лучшему в настоящем. Утопические видения затуманивали разум, снижали критичность, делая людей более податливыми для идеологической обработки. Все это прекрасно понимали нацистские пропагандисты, они даже превзошли своего «предтечу», выстроив еще более абсурдную мифологию, в которую поверили миллионы людей.

Новые тамплиеры

Если Гвидо фон Лист был романтически настроенным теоретиком, то рядом с ним почти сразу нашелся практик, попытавшийся на деле возродить арио-германские идеалы.

Человек, который называл себя Йорг Ланц фон Либенфельс и утверждал, что он родился 1 мая 1872 года в сицилийской Мессине от барона Иоганна Ланца фон Либенфельса и его жены Катарины, урожденной Скала, в действительности родился 19 июля 1874 года в пригороде Вены. Его отец, Иоганн Ланц, был учителем; мать действительно звали Катарина, урожденная Гоффенрайх. При крещении ребенок получил имя Адольф Йозеф.

В детстве Ланц активно интересовался средневековым прошлым и религиозными орденами, к которым он относился как к духовной элите. Сам он рассказывал, что его особенно воодушевлял средневековый орден тамплиеров (рыцарей Храма, «храмовников»). Он с головой ушел в изучение их истории, традиции и легенд. Эти впечатления определили его решение стать послушником в одном из аббатств Вены.

Аббатство оказало серьезное влияние на жизнь Адольфа Ланца. Белый камень церковных нефов, строгий романский стиль, уединенный монастырский сад, мозаика цветных стекол и древние могилы – все это создавало атмосферу средневекового рыцарского романа, наводило на мысли о связи прошлого с будущим. Ланц был истовым послушником и делал серьезные успехи. В 1897 году он постригся в монахи, а еще через год приступил к преподаванию в духовной семинарии.

Жизнь в монастыре соответствовала сентиментальным стремлениям отождествить себя со священной элитой древности. Кроме того, годы монашества дали Ланцу возможность расширить образование: его поздние труды несут в себе отпечаток глубокого знания Библии, апокрифов и гностических текстов, а также религиозных традиций и языков Ближнего Востока. Он также прилежно изучал историю аббатства и опубликовал свои исследования об этом в нескольких научных журналах.

Особенно важна первая из опубликованных работ, поскольку она является наиболее ранним свидетельством зарождения специфического мировоззрения. То был комментарий к отпечатку на могильном камне, извлеченном из-под монастырских плит в мае 1894 года. Отпечаток изображал дворянина, которого приняли за Бертольда фон Трейна, топчущего неизвестное животное. Ланц интерпретировал сцену на камне как аллегорическое изображение вечной борьбы между силами добра и зла, соответственно представленными дворянином и чудовищем. Размышления над буквальными смыслами этой аллегии убедили его в том, что корень всякого зла в мире заложен в животной природе человека. Для того чтобы найти решение сформулированной проблемы, он начал заниматься зоологией.

Изучая Священное Писание, апокрифы, современную археологию и антропологию, Ланц объединил существовавшие в то время расистские идеи в дуалистическую религию, создав свою особую версию ариософии. Голубые глаза и светлые волосы, которые он, подобно другим «исследователям», приписывал арийской расе, окончательно отождествлялись для Ланца с добрым началом, тогда как различные «темные» отклонения (негроиды, монголоиды, жители Средиземноморья) – со злым. Личным вкладом Ланца в расистскую идеологию стала адаптация научных взглядов применительно к гностической доктрине, представляющей светлые и темные силы в качестве космических сущностей, ответственных за соотношение порядка и хаоса во Вселенной.

Сегодня трудно сказать, насколько послушничество в монастыре повлияло на формирование оккультно-расистских взглядов Ланца. Его учитель Шлегль презирал евреев Ветхого Завета как самонадеянное и надменное сообщество; «альтернативные» переводы Библии, сделанные Шлеглем, даже попали в список книг, запрещенных за антисемитизм. В то

же время убеждения Ланца вызывали серьезные трения между ним и его наставниками, в связи с чем он отказался от монашества и покинул аббатство в апреле 1899 года.

С этого момента Адольф Ланц был свободен в выборе путей для развития своих идей, и период с 1900 по 1905 год был отмечен его быстрым общественным ростом. В то время он числился членом двух научных обществ, где имел возможность встречаться с выдающимися историками. В 1902 году получил докторскую степень. Зарегистрировал патенты на три изобретения. Начал писать для народнических журналов «Молот» и «Политико-антропологический обзор». Одна из статей Ланца содержала более ста ссылок на сугубо научные исследования, что подтверждает глубину его знаний в антропологии, палеонтологии и мифологии.

В 1903 году Ланц опубликовал основные положения своей доктрины, названной им теозоологией. Текст был необычной компиляцией религиозных идей, заимствованных из традиционных христианских источников, переработанных в свете данных науки. Целью первой главы была попытка понять природу и происхождение существ, которых Ланц называл пигмеями и на которых возлагал ответственность за разрушение арийской цивилизации прошлого. Следующие четыре главы описывали сатанинское царство, рассказывали историю первого пигмея по имени Адам, который породил расу человекозверей. При этом Ланц использовал очень своеобразный принцип перевода древних текстов: по его мнению, слова «земля», «камень», «дерево», «хлеб», «золото», «вода», «огонь» и «воздух» означали полу-человека, а глаголы «называть», «видеть», «знать» и «скрывать» означали «совокупляться». В соответствии с теорией Ланца, основным сюжетом древней жизни был поиск и воспитание любовников-пигмеев для извращенных сексуальных развлечений. Поэтому содержанием Ветхого Завета было предупреждение избранных людей (арийцев) о последствиях подобной скотской практики.

Не забывал Адольф Ланц и про богов. Он начал с утверждения, что поколение богов существовало как наиболее ранняя и высшая форма жизни, совершенно отличная от жизни человекозверей. Ланц предположил, что эти божественные существа обладали необычными чувственными органами, предназначенными для восприятия и передачи электрических сигналов. Подобные органы наделяли их обладателей мощной способностью к телепатии и всемогуществом, но позже они атрофировались в рудиментарные гипофизарную и шишковидную железы, которые можно видеть у современного человека, – «падение» произошло из-за скрещивания божественного племени со звероподобным. При этом Ланц допускал, что программа тотальной сегрегации могла бы вернуть сверхъестественные способности арийцам как ближайшим родственникам божественного племени.

В своей работе Ланц выдвигал и программу действий, которые могли бы помочь арийцам вернуться к «богоподобному» состоянию. Его рецепты были, как водится, просты и безжалостны. Культурный подъем низших рас в Европе и ее колониях необходимо обратить вспять. Социализм, демократия и феминизм должны быть отменены. Женщины обязаны войти в полное подчинение арийским мужьям. Дальнейшее размножение пигмеев нужно остановить при помощи принудительной стерилизации, причем самых сильных особей можно поработить, используя как вьючных животных. На некоторых страницах Адольф Ланц даже настаивал на сожжении всех человекозверей, что послужило бы «жертвой богам» во имя приближения расовой чистоты. С этой точки зрения крематории концентрационных лагерей, которые позже строили нацисты, предстают как некие чудовищные алтари.

Подобно гитлеровцам, Ланц не собирался ограничиваться территорией Германии. Временные рамки своей консервативно-окультистской революции он определял эпохой возрождения древней традиции: «Но это должно продолжаться лишь до тех пор, пока не возникнет новый электрон, новый Грааль, новый род священников».

В конце 1905 года Адольф Ланц начал выпускать расистский журнал «Остара», названный так в честь древнегерманской богини весны. В первой вступительной статье он проинформировал читателей о том, что «Остара» – первый и единственный «расово-экономический» журнал, в котором будут использоваться «антропологические данные для того, чтобы научным образом сломить восстание низших рас и защитить благородство расы европейской».

Ланц самолично выпустил семьдесят один номер журнала. Основными темами были расовая соматология, антифеминизм, антипарламентаризм, духовные различия между черными и белыми расами в сферах сексуального поведения, искусства, философии, коммерции, политики и войны. Первая мировая война рассматривалась в журнале как эсхатологическая фаза в глобальной борьбе между белыми и черными.

В военные годы журнал оставался верен провозглашенным намерениям и тщательно отслеживал отрицательные социокультурные и экономические последствия «эмансипации низших рас» во всех сферах общественной жизни. Анализ сопровождался «эмпирическим материалом», полученным от внештатных корреспондентов. Тематика говорит сама за себя. Среди шестидесяти трех сохранившихся номеров «Остары» семь связаны с классификацией расовых типов, восемнадцать посвящены гендеру, женщинам и проституции, двадцать девять – духовным и физическим различиям белых и черных, девять – религиозным и оккультным вопросам.

Идеологические связи Адольфа Ланца с оккультизмом еще более возросли, когда весной 1915 года он опубликовал подробные обзоры астрологической литературы. После этого он считал, что усвоенных идей ему достаточно, чтобы самому стать пророком и предтечей национального возрождения. По его мнению, Первая мировая война свидетельствовала о мессианском «исполнении времен». Растущий расовый беспорядок, военный и культурный хаос должны были завершиться новым «монгольским» нашествием на Европу в период с 1960 по 1988 годы. За этим последует долгожданный Страшный суд, который предвещает золотой век, – тогда возникнут Церковь Святого Духа и Арийское государство, власть в котором будет принадлежать жрецам, посвященным в таинства древней сексуально-расистской религии. Географическим местом рождения арийского золотого века была названа Вена, и в новом политико-религиозном устройстве ей отводилась центральная роль.

Желание Адольфа Ланца основать рыцарский орден прямо вытекало из его концепций элитаризма. Выбор пал на тамплиеров.

Впервые Адольф Ланц заинтересовался тамплиерами, читая средневековые легенды о рыцарях Круглого стола. Он пришел к выводу, что эти легенды напрямую связаны с историческими тамплиерами. В героическом образе тамплиеров соединились идеи веры и собственного достоинства, столь распространенные в неоромантических кругах, с современными ему представлениями о расовом спасении и пангерманизме. Осуждение и преследование тамплиеров в 1312 году также имело особый смысл в рамках этого мировоззрения: безжалостное искоренение благородного ордена означало триумф нацменьшинств, на протяжении долгого времени стремившихся к устранению основных защитников евгенического культа. Господство низших сил по всей Европе в последующие века разрушило «ариохристианскую» цивилизацию и привело современный мир на грань кризиса.

Однако Адольф Ланц не ограничивал себя ностальгическими образами славного прошлого, решив воссоздать исчезнувший орден, целью которого станет «новый крестовый поход». В 1907 году он с помощью венских друзей приобрел замок Верфенштайн, ставший штаб-квартирой ордена. Замок представлял собой средневековые руины, расположенные на краю отвесной скалы над Дунаем в австрийской деревне Штруден. В декабрьском номере журнала «Остара» Ланц опубликовал программу ордена новых тамплиеров, характеризуя его как «арийское общество взаимопомощи», призванное воспитывать расовое самосозна-

ние посредством генеалогических и геральдических изысканий, турниров красоты, а также способствовать созданию национальных утопий-поселений в слаборазвитых районах мира. Рождество 1907 года Ланц отметил поднятием над замком флага с изображенной на нем красной свастикой.

Первыми акциями ордена стали фестивали, проводимые в Верфенштайне. В весенние дни несколько сотен гостей прибывали на пароходе из Вены, их приветствовали залпы маленьких пушек. После завтрака гости слушали концерт во внутреннем дворе замка. Ночью праздник заканчивался фейерверками и хоровым пением. К несчастью, фестивали широко освещались в национальной прессе, способствуя тем самым распространению идеологии Адольфа Ланца среди широкой аудитории.

Помимо публичных празднеств общегерманского характера, Ланц изобрел службы и церемониал для самого ордена, которые оставались тайной для непосвященных. В то же время Ланц начал разрабатывать правила ордена в форме дисциплинарного кодекса, соблюдаемого в традиционных религиозных объединениях. В первом пункте орден описывался как расово-религиозная организация, в которую могли входить лица с преобладанием чистой крови, а именно те, кто в большей или меньшей степени светловолос, голубоглаз и обладает арийским телосложением. Члены ордена должны были оказывать предпочтение братьям в делах, касающихся профессиональных должностей, благотворительности и бизнеса. В их обязанности входил поиск достойных неофитов и заключение расово чистых браков. Состоятельные члены ордена должны были поддерживать создание новых домов в местах, отличающихся естественным величием или историческими ассоциациями, – особенно ценились места, отмеченные следами тамплиеров и монастырской жизни.

В 1915 и 1916 годах Ланц выпустил брeвиарий новых тамплиеров в двух частях, содержащий в себе ариохристианские псалмы и гимны, написанные им самим и его ближайшими друзьями. Эти сочинения были основаны на традиционных христианских текстах, но их смысл был изменен в националистическом ключе. Пронзительные мольбы о спасении расы и искоренении низших рас, обращенные к Христу-Фрайя (готское имя Иисуса), отражают уже знакомую нам доктрину.

Ритуальная деятельность ордена происходила до и после Первой мировой войны, однако трудно сказать, как много людей были причастны к эзотерическим структурам, созданным Адольфом Ланцем. Впрочем, популярность журнала «Остара» доказывает, что орден новых тамплиеров был хорошо знаком многим австрийцам, особенно жителям Вены. Местные старожилы вспоминают, что в те времена журнал широко продавался во всех табачных и газетных киосках. Сам Ланц утверждал, что в 1907 году тираж достигал ста тысяч экземпляров. Из этого можно сделать вывод, что его националистическая идея разделялась венскими интеллектуалами, даже если очень немногие из них были причастны к деятельности новых тамплиеров.

Среди почитателей «Остары» был и юный Адольф Гитлер. Во время пребывания в Вене он регулярно покупал этот журнал в газетных ларьках. Когда ему не удавалось приобрести тот или иной номер, будущий фюрер выписывал его по почте непосредственно у Ланца.

Адольф Ланц помнил об этом и в одном из писем 1932 года сообщал своему соратнику и члену ордена новых тамплиеров: «Знай, что Гитлер – это один из наших учеников. Ты еще увидишь, как он победит (а стало быть, победим и мы) и разожжет движение, которое заставит содрогнуться мир».

Расизм как вера

Обзор источников и корней гитлеровской идеологии дает нам сумбурную и часто противоречивую мешанину из теорий, в которых псевдонаучные концепции сочетаются с публицистическими манипуляциями и откровенными фантазиями. Получается, что все мировоззренческое здание национал-социализма было построено на откровенных выдумках, авторство которых легко установить.

Существование древнего забытого мира и носителей тайного знания, обладающих сверхъестественными способностями, придумал Эдвард Бульвер-Литтон. Великую расу арийцев, пришедших с Востока, придумал Фридрих Шлегель. Глобальное противостояние между арийцами и евреями придумал Христиан Лассен. Нордическое происхождение арийцев и их связь с германцами придумал Карл Пенка. Идеи смены и борьбы рас, связи между древними цивилизациями и носителями тайного знания из числа арийцев, скрывающихся в Гималаях, ловко скомпилировала Елена Блаватская, снабдив свой сумасбродный палеофантастический винегрет «доказательствами» в виде сомнительных священных текстов. Сходным путем пошел Гвидо фон Лист, перечеркнувший известную историю христианской Европы и предложивший ее ариогерманский вариант. Идеи ариософа подхватил Адольф Ланц, начавший на практике возрождать древнюю традицию под знаком свастики.

Можно ли всерьез говорить о том, что подобная неомифология, созданная в буквальном смысле на коленках фантастами, аферистами и псевдоучеными, способна стать основой для мировоззрения целой нации в центре Европы? Оказалось, что можно. Для этого ее должен был разделять новый лидер нации, которого вся она, от высшей элиты до простых бедняков из провинции, воспринимала как мессию, способного вывести мир из глубокого политико-экономического кризиса. Таким лидером и стал австрийский художник-недоучка Адольф Гитлер.

О Гитлере написано множество книг (говорят, больше, чем об Иисусе Христе), поэтому мы не будем повторять здесь общеизвестное, а лишь в общих чертах проследим, как ариогерманские теории, популярные в Вене и Мюнхене, формировали личное мировосприятие будущего фюрера.

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 года в австрийском городке Браунау на реке Инн, неподалеку от границы с Германией. В 1895 году его отец, чиновник таможенной службы Алоис Гитлер, приобрел небольшое поместье под Ламбахом, а через два года, напутствуемый чрезвычайно религиозной матерью, Адольф начал посещать школу при местном бенедиктинском монастыре. В свободное от занятий время он учился пению в хоровой школе в Ламбахе.

Вскоре семейство Гитлер перебралось в Леондинг, близ Линца. Возраст Адольфа уже позволял его родителям задуматься о будущем сына. Алоис, как и всякий уважающий себя отец, хотел, чтобы Адольф пошел по его стопам, то есть стал государственным служащим. Однако юношу влекло искусство. Однажды он признался в этом отцу и получил хорошую взбучку, что никоим образом не повлияло на сделанный им выбор.

В первые школьные годы Адольф учился достаточно прилежно. Но, по его собственным словам, постоянные ссоры с отцом, упорно желавшим видеть в нем будущего чиновника, привели к тому, что Адольф утратил всякий интерес к хорошим оценкам. Начиная с шестого класса он учился все хуже и хуже. В шестнадцать лет, так и не окончив полный курс средней школы, Адольф покинул учебное заведение. Впоследствии он объяснял свой провал тем, что его не понимали учителя.

Единственным учителем, для которого Адольф сделал исключение в этой оценке и которым откровенно восхищался, был Леопольд Пётш – ярый пангерманист, наувивший

юношу ценить идеи немецкого национализма и, по словам Гитлера, превративший его в «маленького революционера».

По-видимому, одним из решающих факторов отказа от полноценного образования для Гитлера стало не пренебрежение учителей, а редкое психическое отклонение. По мнению профессора Манфреда Кох-Хиллебрехта, изучавшего личности многих известных политиков, Гитлер был эйдетиком. Такую психическую особенность выявляют у 4 % детей, но с взрослением она утрачивается – у Гитлера, наоборот, она развилась до уникального феномена. Эйдетизм проявляется в фотографической памяти – человек запоминает навсегда не только все, что он прочитал, но и все, что хотя бы раз видел, что услышал, всех, с кем когда-либо контактировал. Действительно, многие из соратников, друзей и даже врагов Гитлера отмечали его удивительную память, которая казалась им чем-то сверхъестественным. Он свободно и безошибочно цитировал огромные фрагменты текстов, мог воспроизвести на эскизе детали любого сооружения или городской застройки, оперировал колоссальным массивом справочных данных, помнил длинные оперы до нот, поражал слушателей широким кругозором. Однако эйдетизм имеет и негативные стороны: веру в собственную исключительность или даже в богоизбранность, развитый фатализм, поверхностность в изучении конкретных дисциплин, неприятие глубоких специальных знаний, твердолобость в суждениях, патологическую зависимость от первого впечатления, склонность к функциональным галлюцинациям. Все эти качества отмечались свидетелями и у фюрера.

В январе 1903 года престарелый Алоис Гитлер умер от апоплексического удара. Похоронив мужа, Клара продала дом и переехала в Линц. Ее пенсии вполне хватало, чтобы прокормить детей – сына Адольфа и младшую дочь Паулу. Бросив школу, Адольф тем не менее отказался искать постоянную работу или же обучаться какому-либо ремеслу. Даже мысль об этом вызывала у него отвращение. В конце концов мать согласилась с жизненным выбором сына, забрав его из ремесленного училища и устроив в школу рисования.

Карманные деньги, которые Адольф получал от матери, тратились на книги. Единственный друг юности будущего фюрера, Август Кубичек, вспоминал:

Уже в Линце Адольф начал читать классиков. О «Фаусте» Гёте он заметил, что эта книга содержит больше, чем может вместить человеческий ум. Из работ Шиллера его захватил главным образом «Вильгельм Телль». Глубокое впечатление произвела на него и «Божественная комедия» Данте.

И в дальнейшем Гитлер оставался книголюбом. В библиотеке Конгресса США хранится его личная библиотека, в ней – две тысячи книг и других материалов, захваченных в Рейхсканцелярии в Берлине, в Бергхофе и в Бергене у Берхтесгадена. Там много литературы псевдорелигиозного и расистского содержания, книг о нордическом духе. Гитлер читал в переводах Софокла, Гомера, Аристофана, Горация и Овидия. Особенно он любил старые немецкие сказания и наизусть помнил 25 тысяч строк «Парсифаля». Его живейший интерес, судя по пометкам на полях, вызывали Лютер, Савонарола, Цвингли, Кальвин, Конфуций и Будда.

Итак, после окончания школы Гитлер не получал системного образования. Его окружение вспоминало, что Гитлер говорил много и охотно, часто перескакивая с темы на тему, изображая из себя знатока всех наук и искусств, но как раз это выдавало в нем дилетанта, толком не разбирающегося ни в одном вопросе.

Безусловным кумиром юного Гитлера стал композитор Рихард Вагнер. Влияние его музыки и опер на немецкое общество было велико. Как справедливо пишет Август Кубичек, «в то время не было ни радио, ни телевидения, ни кино или записывающего оборудования, а были только театры, и то, что показывали в них, было чрезвычайно важным». Но именно

Вагнер по своим убеждениям – утопист-революционер, мистик и ярый антисемит. Искреннее желание Гитлера подражать этому композитору многое говорит о будущем фюрере.

Тщательное изучение биографии и творчества Рихарда Вагнера привело юного Адольфа к расистским и палеофантастическим мифам, которые и легли первыми камнями в основу его мировоззрения. Кубичек вспоминал:

Адольф отождествлял себя с великими людьми... ушедшей эпохи. Казалось, не было ничего более достойного борьбы, чем жизнь, похожая на их жизнь, полная грандиозных подвигов, самая героическая жизнь, какая только возможна, чтобы из нее войти в Валгаллу и стать мифическим бессмертным, присоединившись к уже находящимся там, кого он так почитал. Этот необычный, романтический ракурс мышления Гитлера не следует игнорировать. В мире суровой политической реальности появится тенденция отвергать эти юношеские размышления как фантазии, но факт остается фактом: несмотря на все события своей жизни в этот период, личность Адольфа Гитлера пребывала лишь в поистине праведных верованиях, в которые его ввели саги о немецких героях. В конфликте с буржуазным миром, который со своим обманом и ложной нравственностью ничего не мог ему предложить, он инстинктивно искал свой собственный мир и нашел его в истоках и древней истории своих соотечественников. Он считал, что это был их золотой век, и эта давно ушедшая эпоха, известная лишь по обрывочным историческим документам, стала для пылкого юного Гитлера полнокровным настоящим. Энергия, с которой он проживал тот век, который канул в Лету 1500 лет назад, была такова, что у меня, жившего в начале XX века, часто голова шла кругом. Действительно ли он жил среди героев этого неясного, темного века, о которых говорил так, будто они стояли лагерем в лесах, через которые мы совершали наши ночные прогулки? Был ли для него зарождающийся век, в котором мы с ним оказались, не более чем сон наяву? Этот временной сдвиг часто настолько беспокоил меня, что я боялся за его рассудок: может быть, однажды он обнаружит, что не может спастись от искажения времени, которое он для себя создал...

Как видите, еще в юности Гитлер пришел к тому, к чему пришли Гвидо фон Лист и Адольф Ланц в зрелом возрасте. Поэтому нет ничего удивительного в том, что позднее он впитывал труды австрийских ариософов как губка и в его речах можно отыскать цитаты из них.

В октябре 1907 года восемнадцатилетний Адольф отправился в Вену, чтобы попытаться счастья в Академии художеств. Однако там он потерпел полное фиаско. Его аккуратные безжизненные рисунки произвели на экзаменаторов столь дурное впечатление, что они посоветовали Адольфу вообще отказаться от мысли стать художником.

В декабре 1908 года у Адольфа от рака умерла мать. Для него это было тяжелым ударом. С 1909 по 1913 годы Адольф жил в Вене. Отсутствие каких-либо значительных средств вынудило его оставить меблированную комнату и порвать отношения с Августом Кубичеком: тот блистал в консерватории, а гордый Адольф не хотел испытывать «унижение» при общении с ним. Гитлер стал самым настоящим бродягой, живя в ночлежках и довольствуясь благотворительной похлебкой.

Однако в отличие от других бродяг Адольф не пил и не курил. Большую часть своего времени он проводил в публичных библиотеках. Он так никогда и не понял, что его бессистемное образование, без надзора и указки со стороны опытного учителя, не дает ему права судить хоть о чем-то, что выходит за пределы его весьма ограниченных знаний. Он верил, что выбор тех книг и теорий (по большей части случайный), которые он усваивал в юности, позволил ему прикоснуться к истине, узнать о мире больше остальных. Но на самом деле хорошо известно, что ловкий демагог способен извратить любую мораль, пред-

ставив черное белым и наоборот. Больше того, отсутствие учительского контроля позволяло юному Адольфу выносить произвольные суждения по поводу прочитанного. В итоге существенным Гитлер считал только то, что соответствовало его собственным глубинным представлениям об устройстве мира, сформировавшимся еще в австрийской провинции. От Артура Шопенгауэра Гитлер позаимствовал фатализм и волюнтаризм, отбросив все буддистские элементы. От Фридриха Ницше взял концепции эволюции и сверхчеловека, забыв, что философ настаивал на тезисе, согласно которому сверхчеловек на пути самосовершенствования должен бороться с самим собой, а не с окружающими. Гитлер принял от Рихарда Вагнера расизм и язычество, но отклонил его христианские идеи. Точно так же он поступал с теориями Елены Блаватской, Жозефа де Гобино, Хьюстона Чемберлена, Гвидо фон Листа и Адольфа Ланца.

Когда современные исследователи начинают рассуждать о религиозности Адольфа Гитлера, они редко приходят к единому мнению. Спектр выводов широк: от варианта Гитлера-атеиста до варианта Гитлера-католика. Поэтому нет и общего для исторической науки отношения к религиозной политике Третьего рейха. Путаницу в обсуждение проблематики вносит и то, что среди руководителей нацистского государства также не было какого-то единства по вопросу отношения к традиционным церковным институтам и перспективам их реформирования. И все же с известной долей уверенности можно говорить, что Адольф Гитлер и его верные соратники собирались после окончательной победы над внешними врагами приступить к широкой модернизации в сфере религии, в корне заменив одну систему верований другой, подчиненной идеологическим интересам национал-социалистической империи.

При этом вряд ли Адольф Гитлер имел совершенно ясное представление о том, как будет выглядеть религия, которой уготовано прийти на смену христианству в Третьем рейхе. Но это фюреру было и не нужно – для конкретного конструирования у него под началом находились верные и идеологически подкованные соратники.

Уже в Вене Гитлер становится ярким антисемитом. Его антисемитизм имел глубокие корни, подпитываемые культурным стереотипом, сложившимся к началу XX века в Европе. Став зрелым политиком, Гитлер неоднократно подчеркивал принципиальность своих позиций по данному вопросу.

Важно, что Гитлер, опять же в силу плохой образованности и зависимости от первого впечатления, не сумел разобраться в национальной ситуации своего времени. Он стал сторонником теории «всемирного еврейского заговора», что весьма распространено среди людей с неокрепшим разумом, которые пытаются упростить многообразный и часто хаотичный исторический процесс, придав ему некий смысл и определенность через признание гипотезы о тайных силах, управляющих историей. В результате доведенный до предельной крайности антисемитизм стал основой расового мифа, культивируемого в Третьем рейхе.

В 1912 году Гитлер переселился из Вены в Мюнхен. В мемуарах он называл несколько причин переезда. В частности, заявил, что его просто бесило засилье евреев в австрийской столице и с определенного момента он уже не мог их выносить. Скорее всего, эта причина надуманная: для молодого человека куда важнее было попробовать найти применение своим навыкам художника в городе, который считался культурной столицей Германии.

Несмотря на то, что доходы после переезда не повысились, Гитлер всегда вспоминал два первых года жизни в Мюнхене как счастливейшее время. Там Адольф сошелся с поэтом-символистом Стефаном Георге. Современники называли Георге «воплощением римской культуры на рейнской почве». Ницшеанское по своим истокам и антидемократическое по сути мировоззрение привело поэта к националистическим идеям. Однажды он предсказал, что вскоре в Германии появится герой, который приведет к возрождению страны, Европу и весь мир, посеяв семена нового рейха.

Накануне Первой мировой войны литературные последователи, единомышленники и поклонники творчества поэта образовали «кружок Стефана Георге» – нечто среднее между богемным литературным салоном и духовно-эстетическим орденом. Называя себя космистами, члены кружка широко пропагандировали собственные эстетические концепции, придерживались определенного ритуала поведения и даже, в подражание своему лидеру, облачались в черные балахоны. Немало членов этого кружка стали провозвестниками германского национал-социализма. А один из космистов, Альфред Шулер, едва ли не первым в Германии начал применять свастику в качестве символа.

Когда Гитлер приехал в Мюнхен, он не раз посещал кафе и таверны, где собирались члены кружка Стефана Георге. Атмосфера, царившая там, пришлась ему по вкусу. Он присутствовал на выступлениях Альфреда Шулера и был очарован их антисемитской направленностью и эзотерической насыщенностью. Весьма вероятно, что именно тогда Гитлеру пришла мысль использовать свастику как логотип националистического движения. Подобно другим эйдетикам, он был очень зависим от первого впечатления.

Известно, что свастика (санскритское *suastika*) – один из самых древних символов, встречающийся в орнаменте многих народов в разных частях света. Изображается он в виде креста с загнутыми (под углом или овально) концами. Древнейшие свастики обнаружены на Урале. Они появляются в начале II тысячелетия до нашей эры в орнаменте сосудов андроновской культуры (бронзовый век) как упрощенный рисунок перекрещивающихся «уточек». Эти свастики наносились на дно сосудов и символизировали солнце как обиталище духа покровителей водоплавающих птиц у первобытных рыбаков. Позже смысл, связанный с рыболовством, был утрачен – свастика стала солярным символом.

Крючковатый крест свастики можно найти на скатертях племени навахо, на греческой керамике, на критских монетах, в римских мозаиках, на предметах, извлеченных при раскопках Трои, на стенах индуистских храмов. Позже статичный солярный символ стал динамичным, означая солнечный проход по небесам, превращающий ночь в день, – отсюда происходит более широкое толкование свастики в качестве символа плодородия и возрождения жизни; концы креста при этом интерпретируются как обозначения ветра, дождя, огня и молнии. В Японии свастика – символ долгой жизни и процветания. В Китае это древняя форма знака «фан» (четыре части света), позднее – символ бессмертия и обозначение числа 10 000 (так китайцы представляли бесконечность). Ранние христиане изображали свастику на могилах в качестве замаскированной формы более ортодоксального креста, а в Средние века ее рисовали на витражах, чтобы заполнить пустое место внизу (*fill the foot*), отсюда его английское название – *fyolfot*. В геральдике свастика известна под названием «крест кромпоне» (от *crampoon* – «железный крюк»).

Современные исследователи различают два основных типа свастики. Та, у которой концы загнуты вправо, по часовой стрелке, называется собственно свастикой (или правой стороной свастики) и считается символом с позитивным наполнением – знаком света, жизни, святости и благополучия, который соответствует в природе весеннему, прибывающему солнцу. Свастика с загнутыми против часовой стрелки концами (левосторонняя свастика, называемая иногда «суавастика» – *suavastika*) должна вызывать негативные ассоциации. Она также означает солнце, но подземное или ночное; пассивное состояние, зиму, тьму, смерть и безвестность; этот символ является принадлежностью богини Кали, несущей гибель и разрушение.

Существует большая неопределенность в обозначении и смысловом содержании право- и левосторонней свастик даже в Индии, не говоря о других регионах. Потому не следует трактовать разницу между двумя видами знака с точки зрения этики или социологии, а ведь именно этим грешат оккультные сочинения, авторы которых уже больше века рассуждают о «пагубном» и «благотворном» направлениях свастики. Примечательно, что, приняв

принцип кардинального различия двух типов свастики, такие авторы часто путают правое и левое направления: суавстику называют свастикой, а свастику – суавстикой, совастикой или даже совастикайей.

Свастика вне зависимости от ее направления – один из самых эффектных и изящных символов в истории человечества. Она, как подмечают некоторые символисты, одним своим видом возбуждает желание самому намалевать ее где-нибудь. Для целей пропаганды нельзя придумать более подходящего символа: в нем есть нечто грозное и в то же время гармоничное; его нельзя перепутать с чем-нибудь другим, он сразу запоминается.

Вильгельм Рейх объяснял притягательную силу этого символа тем, что он действует на подсознание как обозначение двух человеческих тел во время полового акта, иными словами, по мнению известного неортодоксального фрейдиста, это «символ продолжения жизни». Рейх писал, что индикативные опросы показали: почти никто из людей различного возраста, пола и социального происхождения в первый момент не видел в свастике сексуального смысла, но при длительном созерцании начинал его осознавать. Также Рейх указывал, что было бы неверно полагать, будто после осознания тайного сексуального содержания свастики ее воздействие на подсознание уменьшается, – наоборот, люди в своем подсознании стремятся морально преодолеть это ощущение, что усиливает воздействие символа.

Весьма любопытную интерпретацию воздействия свастики на рядового немца предложил большой знаток религиозной традиции Элиас Канетти. Он указывал, что даже семантически слово *Naekenkreuz* (свастика) связано с казнью через распятие. Помимо прочего, *Naeken* – это козлы, на которых в школе наказывали провинившихся мальчиков; само слово своим звучанием напоминало о необходимости призвать виновных к ответу. А еще *Naeken* в немецком языке созвучно выражению, обозначающему цокот копыт, щелканье каблуков. «В этом символе, – указывал Канетти, – самым коварным образом соединяются угроза жестоких наказаний за неповиновение или неисполнение долга со скрытым напоминанием о военной дисциплине и ритуале».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.